

С. Г. Карпюк*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ЭЛЕКТРОННУЮ ЭРУ: БАЗЫ ДАННЫХ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ**

ЗНАЧЕНИЕ «ТЕОРЕТИЧЕСКИХ», «заумных» проблем, которые ставятся в этой статье, на первый взгляд может показаться незначительным, однако исследователи классической древности уже с ними столкнулись. Мне хотелось привлечь внимание коллег к проблеме восприятия исторического источника в компьютерную эру. Очевидно, что широкое распространение компьютерных тезаурусов оказало значительное влияние как на исследователей античности, так и – пусть косвенно – на направленность исторических (в частности, антиковедных) штудий. Влияние это на антиковедное сообщество было, без сомнения, благотворным: доступные только для обитателей столиц и университетских центров издания источников (пусть без комментариев) стали доступны практически всем коллегам. Направленность научных поисков в области классической античности, конечно же, резко не поменялась; все же возможность быстрого поиска тех или иных слов, имен, топонимов и т. п. позволила не только «заменить» печатные издания указателей (индексов) и лексиконов, но и с большой простотой производить выборку употребления того или иного имени, понятия, топонима в труде одного или нескольких античных авторов.

Что же меняется от использования «электронной» формы источников (например, по истории древней Греции: *Thesaurus Linguae Graecae*, TLG, «телеги»)? Как будто бы ничего. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что форма эта часто влияет как на выбор темы, так и на эвристическую стадию исследования. Дело в том, что электронная форма текста имеет некоторые важные инструменты, и, прежде всего, функцию «поиск». Эта функция позволяет производить выборку по определенным словам или их основам. В руках исследователя оказывается эффективный инструмент подборки нужных материалов по теме исследования. Появляется соблазн сформулировать некую «терминологическую» тему, и, нажав на соответствующую кнопку, получить выборку искомых слов и их контекстов, заменив этим работу с существующими и даже несуществующими индексами и указателями.

Сразу же отмечу, что подобная выборка, безусловно, полезна (автор и сам неоднократно использовал ее в своих трудах), но не может заменить целостного анализа текста. В пользу подобной точки зрения можно привести многочисленные аргументы, приведу только один: античная лексика нетерминологична, одно и то же социальное явление может обозначаться целым рядом слов. Например,

* *Карпюк Сергей Георгиевич*, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, заместитель главного редактора журнала «Вестник древней истории» (Москва).

** Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 08-06-00391-а «Системный анализ и методы исследования античных религий (опыт баз данных)». Автор с удовлетворением отмечает переключку со своей более ранней работой, также опубликованной в Екатеринбурге: *Карпюк С. Г.* Еще раз об исторической ономастике классических Афин: «естественные» и «искусственные» ономастические комплексы // Исседон. Альманах по древней истории и культуре. Екатеринбург, 2005. Т. III. С. 94–100.

«толпа» как неорганизованное массовое собрание могла в греческих текстах обозначаться не только как *ochlos*, но также как *plethos*, *polloi* и даже как *demos*¹. Поэтому совершенно очевидно, что сочинение античного автора должно рассматриваться как целостный источник, и выделение тех или иных контекстов возможно только для конкретных эвристических нужд. Хотя, конечно, нужно быть готовым к тому, что контекст-анализ будет теснить контент-анализ. Впрочем, методы противостояния подобным тенденциям просты и очевидны: во-первых, анализ избранных контекстов должен сопровождаться, а лучше – предваряться анализом текста исторического источника как единого целого. Во-вторых, исследователь должен при необходимости отмечать, что имеет дело именно с выборкой, причем не с *hand-made*, а с машинной выборкой. Качество тут стандартное, но гордиться мастерством не приходится.

Не сталкивались ли историки-античники с подобными, или, по крайней мере, похожими проблемами раньше в до-электронную эру? Да, сталкивались, и, прежде всего при работе с собраниями фрагментов и с восстановленными списками (перечнями) должностных лиц, жрецов, победителей Олимпийских, Истмийских, Пифийских игр и т. п.

«Фрагменты греческих историков» Феликса Якоби – это пример сбора и классификации сохраненных традицией фрагментов древнегреческих историков, на компоновку и выборку которых, несомненно, оказали влияние личность и научные воззрения ученого. Сложную проблему представляют перечни (списки), составленные на основании как литературных, так и эпиграфических источников – например, упомянутые выше списки победителей и т. п. Один из наиболее известных подобных перечней, широко используемых историками, – это список афинских архонтов. Список афинских архонтов был восстановлен достаточно давно, после археологических находок в него вносились существенные дополнения. Наиболее известный пример – обнаружение фрагмента списка, относящегося к 20-м годам VI в. до н. э., но выбитого на камне столетием позже. Обнаружение этого фрагмента внесло значительную коррекцию в наши представления о том, имена каких политических деятелей могли в этом списке значиться в период правления наследников Писистрата. Сложнее ситуация с надписями. Издания надписей – сами по себе выборка, либо полная (*Inscriptiones Graecae*), и тогда роль составителя заключается в хронологическом и тематическом расположении материала, либо неполная (и тогда роль составителей еще больше). Строго говоря, в качестве единого текста можно рассматривать лишь одну надпись, а не их совокупность.

Можно выделить, прежде всего «естественные» эпиграфические комплексы, в которых собраны однотипные сохранившиеся надписи определенного периода из определенного географического ареала либо сходные по тематике. Совсем недавно И. Е. Суриков в качестве приложения к своему труду по остракизму опубликовал просопографическую статистику афинских острака из 208 названий, ограничившись лишь данными эпиграфики², что сближает ее с «естественными» собраниями надписей. Напротив, перечень афинян, подвергнутых остракизму, кандидатов на изгнание, и их отцов, составленный Шт. Бренне и содержащий всего 272 имени, носит более «искусственный» характер, поскольку, наряду с эпиграфическими источниками, автор использует также данные литера-

¹ Карпюк С. Г. Охлос от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 31–50.

² Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 541–552.

турной традиции³. При этом перечень Шт. Бренне, более или менее ономастически однороден как в «эпиграфической», так и в «литературной» своей части⁴. Что касается очень малой доли имен с корнем *dem-* (0,7 %), то она объясняется принадлежностью большинства жертв остракизма к «старой» аристократии. Те же самые выводы относятся и к перечню острака из монографии И. Е. Сурикова⁵.

Итак, можно поделить подобные сборники и списки на две группы: «естественные», где выборку произвело время/традиция, и «искусственные», которые в большей степени отобраны исследователем. Как и любая классификация, подобное разделение достаточно условно, но позволяет и в исследовательских, и в методических целях «выделить» отличающиеся по некоторым характеристикам виды источников.

Рассмотрим поставленную проблему с точки зрения исследований в области ономастики (антропонимики)⁶. Сохранившиеся обширные списки имен, которые датируются классическим периодом истории древней Греции – большая редкость. До нас дошло небольшое число целых надписей либо обширных фрагментов. К таковым можно отнести, к примеру, перечень афинских моряков, относящийся к началу IV в. до н.э. (IG II² 1951), в котором сохранилось 280 имен (не считая патронимов), либо список наемных воинов из Эрехтейона в Афинах (204 строки), датируемый приблизительно 300 г. до н.э. (IG II² 1956 – в нем читается 145 имен). В подобных надписях содержится достаточно даже для проведения статистического анализа количество собственных имен (десятки, иногда – сотни имен). Их можно обозначить как «естественные» (конечные) ономастические комплексы. Однако столь обширные надписи – явление редкое, особенно для архаического и классического периодов истории древней Греции. Однако, наряду с этими «естественными» комплексами, можно также обратиться к спискам лиц определенного социального положения либо уровня политической активности, которые составлены исследователями и которые можно назвать «искусственными», поскольку они составлены исследователями на основании всевозможных (а не только эпиграфических) источников. К их достоинствам относится использование как надписей, так и литературных источников, а недостатком можно считать возможность некоторого субъективизма при их составлении.

Итак, в нашем распоряжении два типа перечней – «естественные» «искусственные» списки. Что касается первого типа, то использование таких надписей для исследований в области исторической ономастики (и во всех прочих исторических и смежных с историей областях) кажется очевидным; что же касается второго типа, то тут необходим некий *proof test*, проверка на достоверность отбора. Подобным тестом может быть, по моему мнению, выявление доли имен с корнем *dem-*, которые, как было показано в предыдущих исследованиях, распределяются по социальным слоям афинского населения с определенной закономерностью⁷. Поэтому целесообразным представляется сравнение «искусственных» и «естественных» комплексов определенного периода.

³ Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen. Attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka. Wien, 2001 (Tyche. Supplementband 3).

⁴ Brenne. Op.cit.

⁵ Суриков И. Е. Остракизм.

⁶ См.: Карпюк С. Г. Политическая ономастика классических Афин в надписях V–IV вв. до н. э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 4–35.

⁷ Карпюк С. Г. Политическая ономастика; *Он же*. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.

Начнем со списка архонтов; восстановленный исследователями перечень афинских архонтов-эпонимов V в. до н.э. дает отличную от более ранних пропорцию имен с корнем *dem-* и их соотношения с традиционными «аристократическими» именами. Из 84 известных нам афинских архонтов-эпонимов в период с 487 по 403 г. включительно 4 имели имена с корнем *dem-* (Никодем, 483 г., Демотион, 470 г., Архедемид, 464 г., Евтидем, 431 г.), 2 – с корнем *arist-*, 2 – с корнем *hipp-* и 4 – с корнем *kall-* (всего 8, т.е. меньше 1/10 «аристократических» имен). Доля традиционных «аристократических» имен среди архонтов резко сократилась, а имена с корнем *dem-* составляли уже 4,2 % от общего количества. Говорит ли это об определенной нерепрезентативности восстановленного исследователями списка архонтов? Конечно же, нет, поскольку социальный состав афинских архонтов резко меняется, начиная с архонства Телесина (487/6 г.), когда архонты стали избираться жеребьевкой по филам из предварительно намеченных демами пятисот кандидатов (Arist. Ath. pol. 22. 5).

Отличается ли доля имен с корнями *dem-* и *arist-* в «искусственных» списках архонтов от таковой во всем гражданском коллективе Афин? Нет, не отличается принципиально: в общественных надгробных надписях афинских граждан V в. до н. э., которые дают достаточно репрезентативную выборку, доля имен с корнем *dem-* составляет 4,5 %; доля имен с корнем *arist-* в подобных надписях составляет 3,3 %⁸. Таким образом, расхождение незначительное, что косвенно свидетельствует об аутентичности и репрезентативности восстановленного исследователями «искусственного» списка архонтов.

Подводя итог, можно утверждать, что в целом «искусственные» (т.е. составленные современными исследователями) перечни имен с точки зрения исторической ономастики мало отличаются от «естественных» (аутентичных), в том числе тех, где отбор произвело время. Однако, если мы сравним эти перечни с «естественными» списками того же времени, то обнаруживается, что пропорция имен с корнем *dem-* в «искусственных» перечнях выше, чем в «естественных». Чем это можно объяснить?

Прежде всего, имеет значение полнота охвата сохранившихся имен, а также величина всего ономастического массива – чем большим числом собственных имен оперирует исследователь, тем меньше вероятность субъективизма. Кроме того, «искусственные» перечни в еще большей степени, чем «естественные», могут служить подтверждением социально-политических либо культурных тенденций в обществе: так, распространение имен с корнем *dem-* подтверждает тенденцию «политического» имянаречения среди представителей политической элиты Афин IV в. до н.э. Эти списки, «ономастические комплексы» несут на себе печать исследователя-составителя. Если уровень его познаний и добросовестности высок и задачи поставлены верно, то «искусственные комплексы» вполне сопоставимы с «естественными» по уровню исторической достоверности. Они могут быть использованы другими исследователями, хотя требуют проверки на полноту охвата и сравнения с «естественными» ономастическими комплексами.

Выборка, произведенная компьютером, носит стандартный характер, со всеми плюсами и минусами (хотя задание дает, конечно же, человек). Ее характеризует, с одной стороны, полнота, с другой, – безликость. Заслуга ученого здесь минимальна, пальму первенства и авторские права все равно остаются за программами. У ученого одна возможность – «переработать», «очеловечить» ее, поставить свое клеймо. С другой стороны, выборка, произведенная исследователем,

⁸ Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология... Табл. 17. С. 271.

– это квалифицированный труд, несет на себе несмываемую печать: hand (а, точнее, brain) made. Как любое ремесленное изделие, оно может стать в руках выдающегося мастера шедевром, а в руках недотепы – дешевой-поделкой.

Выбор за нами: использовать ли «стандартные» компьютерные выборки, или «ремесленные», созданные исследователями. Более реалистичен, впрочем, такой выбор: в каких именно случаях лучше использовать возможности, предоставляемые нам электронным веком, а в каких – «старые добрые», никем не опровергнутые методы работы с источниками. В любом случае этот выбор должен быть осознанным, и о нем должны быть поставлены в известность другие исследователи.